

В частности, А. Кроуфорд пишет об английских лидерах Конгресса – генеральном секретаре А. О. Юме, председателе Британского комитета ИНК У. Уэддерберне и будущем лидере Индийского парламентского комитета Г. Коттоне («Дураки г-н А. О. Х., сэр У. У., г-н К.» [3, р. 90]), а Э. Кокс посвящает несколько страниц своей книги описанию судебных процессов против Б. Г. Тилака за его статьи в газете «Махратта» [2, р. 70–74].

Мемуары британских миссионеров описывают ИНК с иной, не характерной для воспоминаний колониальных чиновников, точки зрения. В миссионерской среде в большей степени было распространено положительное отношение к Конгрессу. В частности, методист Г. Ланн познакомился в Мадрасском президентстве со многими сторонниками ИНК и посетил сессию 1887 г., произведшую на него сильное впечатление [7, р. 23]. В работе Конгресса Ланн видел как положительные стороны (развитие национального самосознания, распространение в Индии западных идей), так и слабости, важнейшей среди которых была неспособность ИНК решать социальные проблемы Индии и отсутствие общих интересов в рядах организации [6, р. 15]. Ланн приводит и примеры того, как деятельность Конгресса препятствовала миссионерской работе, но воспринимает их как благоприятный «рост духа независимости со стороны туземцев» [6, р. 107].

Отношение ИНК к социальным вопросам рассматривал и другой английский миссионер, Дж. М. Митчелл. Он отмечал, что деятели Конгресса «яростно призывают к политическим переменам, но при этом не прошептали ни слова против огромного морального и социального зла» [8, р. 400]. Действительно, основатели ИНК не затрагивали социальные проблемы, поскольку, как справедливо замечал Г. Ланн, «по всем подобным вопросам Конгресс глубоко и резко разобщен» [6, р. 15]. Представители разных конфессий видели разные пути их решения, тогда как лидеры ИНК считали необходимым обсуждать вопросы, по которым мнение делегатов сессий было единым.

В целом, англо-индийские мемуары конца XIX – начала XX в. отражают противоречивое отношение этой части индийского общества к ИНК. Значительная часть англо-индийского сообщества (главным образом, чиновники Индийской гражданской службы) видела в деятельности Конгресса угрозу своему привилегированному положению, но были и те, кто воспринимал появление ИНК как результат прогресса, который принесло в Индию британское правление, и приобщения индийцев к европейской политической мысли.

1. Buda, J. K. The Literature of British India [Electronic resource] / J. K. Buda // Otsuma Women's University Faculty of Literature Annual Report. – 1985. – Vol. 17. – Mode of access: <http://www.f.waseda.jp/buda/texts/litindia.html>. – Date of access: 12.03.2021.
2. Cox, E. C. My thirty years in India / E. C. Cox. – London : Mills & Boon, 1909. – 306 p.
3. Crawford, A. T. Our troubles in Poona and the Deccan / A. T. Crawford – Westminster : Archibald Constable & Co., 1897. – XX, 253 p.
4. Crawford, A. T. Reminiscences of an Indian police official / A. T. Crawford – Westminster : Roxburghe Press, 1897. – XVIII, 285 p.
5. Fraser, A. Among Indian rajahs and ryots / A. Fraser. – London : Seeley & Co., 1911. – XV, 368 p.
6. Lunn, H. S. A Friend of Missions in India / H. S. Lunn. – London : James Clarke & Co., 1890. – XII, 140 p.
7. Lunn, H. S. Nearing harbour / H. S. Lunn. – London : Ivor Nickolson & Watson, 1934. – 328 p.
8. Mitchell, J. M. In Western India / J. M. Mitchell – Edinburgh : David Douglas, 1899. – XII, 405 p.

Мауль В. Я.

«МЫ ВМЕСТЕ ШЛИ С ЧИГИРИНЦАМИ...»

(«ЧИГИРИНСКИЙ ЗАГОВОР» В ВОСПОМИНАНИЯХ О. В. АПТЕКМАНА)

Важными источниками для изучения «Чигиринского заговора» 1876–1877 гг. и, особенно, его последствий могут стать воспоминания революционеров-народников, которые какое-то время провели бок о бок с крестьянскими вожаками нашумевшей истории в тюрьмах и на длинном этапном маршруте от Киева и Мценска до Иркутска и Якутии. Между тем, с этой целью историкам еще только предстоит ввести в научный оборот данный массив информации о событии, получившем большой общественный резонанс. В предлагаемой статье предпринимается первый исследовательский опыт подобного рода.

Среди авторов мемуарных произведений сплошь колоритные личности: Н. А. Виташевский, С. Ф. Ковалик, М. М. Чернавский, отчасти В. Г. Короленко, М. Ф. Фроленко и др. Каждый из них играл заметную роль в революционном движении, за что сполна заплатил долгими годами тюремного заточения, каторжных работ и последующей ссылкой. На несколько месяцев их жизненные траектории пересеклись с нелегкими судьбами украинских крестьян Е. А. Олейника, И. И. Пискового, К. И. Прудкого и Л. А. Тененика, незадолго до того вовлеченных в монархическую мистификацию членами народнического кружка «южных бунтарей» Я. В. Стефановичем, Л. Г. Дейчем

и И. В. Бохановским.* В роли «царских комиссаров» с помощью подложных грамот от имени государя им удалось создать в среде бывших казенных землепашцев Чигиринского уезда Киевской губернии подпольную организацию «Тайная дружина». Раскрытая властями самозванческая авантюра заключалась в подготовке народного восстания. В результате четверо уже немолодых украинцев, как самые яркие деятели противозаконного сообщества, поплатились ссылкой в холодную Сибирь [8; 9; 10; 11; 12].

Из всего перечня народнических сочинений привлекают внимание воспоминания видного «землевольца» и «чернопередельца» Осипа Васильевича Аптекмана (1849–1926), содержащие интересные авторские оценки «Чигиринского заговора» и дополняющие нюансами его малоизученную историю [13].

Сын купца по происхождению, Аптекман родился в Павлограде Екатеринославской губернии, в 6 лет был отдан для обучения в хедер (начальную еврейскую школу). Повзрослев, перешел в Екатеринославскую гимназию, далее последовали медицинский факультет Харьковского университета, переезд в Петербург, Медико-Хирургическая академия, знакомство с радикально настроенной молодежью со всеми вытекающими отсюда последствиями. В 1874–1876 гг. он с головой окунулся в активную пропагандистскую работу среди крестьян. Затем был деятельным членом революционного общества «Земля и Воля», а после ее раскола стал одним из организаторов «Черного передела». Арестованный в 1880 г., был «выслан в административном порядке в Якутскую область на пять лет под надзор полиции» [6, ст. 46–47]. По пути в ссылку ему довелось встретиться и общаться с чигиринцами, этапирруемыми к месту назначенного им наказания.

Текст мемуаров создавался якутским узником по горячим следам тех бурных событий в 1882–1883 гг. «Я остался совершенно один, – пишет Аптекман, – <...> На меня нахлынули недавние переживания, и я торопливо, без системы и плана, набросил на бумагу все, что просилось наружу. Так появилась первая версия моих воспоминаний», которые «отнюдь не предназначались для печати, а написаны исключительно только pro domo sua: для товарищей». Впервые, спустя четверть века, они «были напечатаны в журнале "Современная Жизнь" (октябрь, ноябрь и декабрь 1906 г. и январь 1907 г.)» [2, с. 432, 8]. Тогда же изданы в Ростове-на-Дону отдельной книгой [1]. Используемые в нашей статье воспоминания, по словам Аптекмана, «представляются совершенно переработанными и значительно дополненными», причем многое «мною написано совершенно заново: как по личным моим воспоминаниям, так и на основании кое-каких литературных материалов» [2, с. 8].

Труд Аптекмана не является развернутым жизнеописанием героя, ибо автобиография, как таковая, в нем отсутствует. Подобно большинству соратников по борьбе его заботило не увековечивание личной жизни, а осознание необходимости сохранить для потомков события героического периода революционного народничества. Об этом сказано в самом начале: «Я буду говорить не только о том, что я видел, слышал, что переживал, в чем, я, как скромный работник, принимал участие, но я намерен еще хоть в общих чертах коснуться тех общих социальных явлений нашей русской действительности, современником которых я был» [2, с. 11].

В достаточно объемных мемуарах «Чигиринскому заговору» посвящены несколько страниц, полностью совпадающих во всех имеющихся изданиях. По-особому весомо звучит авторитетное свидетельство о той буре эмоций, которую заговор вызвал в народническом лагере, о чем Аптекман знал не понаслышке: «Опыт народно-революционной организации Стефановича, – признавался он, – произвел громадное впечатление в революционной среде. Землевольцев "Чигиринское дело" совершенно ослепило» [2, с. 281].

Судя по контексту, весь соответствующий фрагмент написан много позже основного блока воспоминаний, предположительно, между 1903 и 1906 гг.; в трактовке событий прослеживается знакомство с уже появившимися в прессе публикациями. Поэтому в целом чигиринский нарратив мемуаров носит черты вторичности, в силу чего в нем встречается ряд неточностей и фактических ошибок. Описание крестьянских волнений на Правобережной Украине наглядно доказывает, как легко, не будучи очевидцем, ошибиться, некритически доверившись полученной извне информации. Например, Аптекман с подачи информаторов утверждал, что крестьяне «стояли за введение великорусского общинного землевладения и, следовательно, за передел земли по душам» [2, с. 279]. Но между одним и другим посылом нет никакой внутренней связи, чего явно не понимал Аптекман, в чем, видимо, не разобрался Стефанович, но вполне уяснили, хотя не приняли в расчет, губернские чиновники. Приводятся автором и другие сведения, поверхностный характер которых вызван вполне извинительным обстоятельством – проигнорировать вдохновившее народников происшествие он не мог, хотя писать о нем пришлось, в основном, с чужих слов.

---

*Разнообразное письменное наследие Стефановича и Дейча (протоколы допросов, письма, статьи, воспоминания) отчасти уже привлекалось историками народничества и «Чигиринского заговора». Заслуживая специального анализа, оно в данном случае не входит в сферу наших интересов.

При этом Аптекману, как и многим народникам-пропагандистам, свойственен взгляд свысока на имманентные крестьянам традиционные ценности. «Пред Стефановичем, – пишет он, – стояла масса, насквозь пропитанная всякого рода историческими иллюзиями и недоразумениями», и «в эту-то темную среду, с ее тупым протестом, и задал себе целью Стефанович внести сознательный, целесообразный протест революционной тактики». Однако, отметил Аптекман, ради конечной цели пришлось пойти на поводу крестьянских заблуждений: «Стефанович, наконец, явился к ним с хорошей вестью: он-де прямо пришел от царя, он – царский комиссар». После чего шестеренки «Чигиринского заговора» эффектно закрутились с повышенным усердием, но ненадолго. Как опытный подпольщик, Аптекман сумел грамотно диагностировать закономерную природу неудачи, постигшей многообещающий «заговор от имени царя». По его мнению, «никто в этом неповиновен, никто из деятелей. Трудно удержать а la longue донельзя напряженную массу в конспиративной организации: всегда можно ожидать какого-нибудь непредвиденного ложного шага, болтливости, распушенности, а равно и прямого предательства» [2, с. 279–281].

В то время как в общих характеристиках «Чигиринского заговора» видна несамостоятельность озвученных подробностей, большую научную ценность имеет рассказ о личной встрече с чигиринцами, где уже он сам оказывается источником эксклюзивной информации: «Я здесь кстати хочу привести мнение о Стефановиче трех крестьян-чигиринцев, которых я застал в 1881 году в Тюмени, в центральной пересыльной тюрьме. Я, к сожалению, сейчас не могу припомнить их фамилий» [2, с. 282].

Лапидарная и, вроде бы, прозрачная цитата порождает много вопросов, пока не имеющих ответа. Допустим, не ясно, почему Аптекман упоминает о встрече с чигиринцами только в Тюмени, если они вместе числились в составе первой партии политссыльных, отправленных по этапу в навигацию 1881 г., что подтверждается списком политических арестантов, составленным Главным тюремным управлением [3, л. 9–11]. С фигурантами «Чигиринского заговора» Аптекман должен был находиться весь 10-дневный срок от Нижнего Новгорода до Тюмени, а не встретиться с ними внезапно уже там, как явствует из воспоминаний. Причем, не заметить их в пути, судя по отзывам других очевидцев, у него не было ни единого шанса. Спаянная общей бедой компания заключенных всю дорогу провела в тесном общении, а личности главных крестьянских агентов заговора неизбежно должны были быть в центре внимания тех, кто именно в массовом народном бунте видел возможность избавления России от тьмы царского самовластия.

По словам Аптекмана, из Тюмени «мы вместе шли с чигиринцами до Томска в одной “партии”» [2, с. 282], однако в списке «Государственным преступникам проследовавшим чрез Томск в 1881 году» чигиринцы названы, а его имя – нет [4, л. 65–66]. В официальный документ не могла вкрасться ошибка, начальник конвоя принимал каждого арестанта под расчет, да и ссыльный народник М. М. Чернавский, следовавший тем же этапом, подтвердил, что Аптекман «догнал нас и присоединился к нашей партии в Красноярске в конце июня 1881 г. и прошел с нею весь путь до Иркутска» [14, с. 39]. Получается, Аптекман, добравшись со всеми до Томска, затем на какое-то время выпал из поля зрения товарищей, воссоединившись с ними только в Красноярске. Причины, задержавшие его в Томске на две недели до отправления второй партии политзаключенных, с которой, видимо, ему пришлось идти, остаются не понятными, хотя по косвенным данным он мог быть болен [5, л. 26].

Дальнейшее продвижение арестантов с 29 июля по 27 сентября, вплоть до прибытия в Иркутск, неплохо отражено архивными документами и опубликованными мемуарами. Этот путь занял около двух месяцев, но о чигиринцах Аптекман больше не вспоминает. Заочно полемизируя с профессором А. Туном, он утверждал, что те «охотно вступали с нами в разговор», и ему «приходилось неоднократно говорить с ними» [2, с. 282]. Но все это было на отрезке Тюмень-Томск, теперь же, вероятно, интерес ссыльных народников к теме заговора остыл. Они успели насытить любопытство, составив собственное мнение об уникальном чигиринском эксперименте, так сильно взволновавшем революционные круги. Не исключено, что между противниками самодержавной власти и ревностными монархистами, невольно оказавшимися в «одной лодке», возникли какие-то трения на почве разговоров о царе. Такую возможность, в частности, подсказывает сам мемуарист, вспоминая свой опыт «хождения в народ»: «Я замечал, что резкие выходы против царя или религии <...> действовали крайне неприятно на крестьян» [2, с. 170]. До выяснения существа вопроса все версии будут носить гипотетический характер, но известно, что в Иркутской тюрьме «природные украинские крестьяне» находились в угнетенном настроении. В. Г. Короленко, видевший их тогда, вспоминал: они «до конца пребывания в Сибири не могли примириться с ней. Все здесь, по их мнению, было не по-людски, то есть не по-украински: даже сало не имело “никоторого скусу”» [7, с. 240].

В связи с указанием Аптекмана на трех чигиринцев, с коими он вел разговоры, приходится сетовать на годы, стирающие из памяти мемуаристов конкретные детали былых времен. Впрочем, неизвестно как, но если, вдруг, он попал в Тюмень позже основной партии, то, в принципе, действительно

мог застать там трех крестьян: Олейника, Пискового и Прудкого, тогда как четвертый – Тененик – уже был на пути в Березов Тобольской губернии [10, с. 11–13]. В любом случае, из Тюмени в Томск и дальше отправились не трое, а только первые двое крестьян, прошедшие полностью весь маршрут до поселения в различных улусах Якутской области [8, с. 82], вдали от тех мест, где отбывал ссылку Аптекман.

Пожалуй, самые драгоценные, единственные в своем роде сведения приводятся в пересказе бесед Аптекмана с крестьянами: «Мне приходилось неоднократно говорить с ними о Стефановиче, – вспоминал он. – В отзывах чигиринцев о Стефановиче мне ни разу не удалось уловить какое-либо осуждение, неодобрение последнему или просто досаду на него. С совершенно эпическим спокойствием чигиринцы формулировали свой взгляд на действия Стефановича следующими (почти буквально) словами: “Мы Стефановича не виним: он нам добра желал! А что касается его присяги, то Бог ему судья!”» [2, с. 282]. Если принять это невероятное сообщение за факт, оно переворачивает имеющиеся данные об отношении участников заговора к разоблаченным «царским комиссарам», авантюра которых сломала жизни сотням чигиринских семей. И тогда указывает на мировоззренческий кульбит, совершенный носителями традиционного сознания под влиянием общения с революционным окружением. Но не будем торопиться с окончательными выводами.

Обобщая материал, необходимо заметить, что анализ воспоминаний показал присутствие в них всех типовых черт мемуарной литературы: от крайней субъективности в оценках до неумолимого влияния времени на память автора. В то же время, они содержат ряд сведений, отсутствующих в других источниках и позволяющих по-иному взглянуть на отдельные стороны изучаемой проблемы. Несомненно, что воспоминания Аптекмана эвристически обогащают историю «Чигиринского заговора» содержательными нюансами, ограниченными оттенками новых эмоциональных впечатлений.

1. Аптекман, О. В. Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов. (По личным воспоминаниям) / О. В. Аптекман. – Ростов-на-Дону : Изд. А. Сурат, Типография «Донская Речь», 1907. – 241 с.
2. Аптекман, О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям / О. В. Аптекман. – Петроград : Колос, 1924. – 460 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 77. – Д. 82.
4. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 964.
5. ГАТО. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 1240.
6. Деятели революционного движения в России : Био-библиографический словарь. – Т. 2 : Семидесятые годы. – Вып. I. – М. : Изд-во Всес. общ-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. – 406 ст.
7. Короленко, В. Г. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 5 : История моего современника / В. Г. Короленко. – Л. : Худ. лит-ра, 1991. – 592 с.
8. Мауль, В. Я. Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории якутской политической ссылки) / В. Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 48. – С. 80–87.
9. Мауль, В. Я. Кузьма Прудкий и «Чигиринский заговор» (эпизод из истории освободительного движения в России) / В. Я. Мауль // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3 (60). – С. 26–32.
10. Мауль, В. Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») / В. Я. Мауль // Вестник Рязанского государственного университета. – 2017. – № 1 (54). – С. 7–17.
11. Мауль, В. Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология / В. Я. Мауль // Quaestio Rossica. – Т. 5. – 2017. – № 1. – С. 221–240.
12. Милевский, О. А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я. В. Стефановича / О. А. Милевский, С. А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (66). – С. 72–90.
13. Терехова, С. А. «Чигиринский заговор» в современной российской историографии / С. А. Терехова // Народники в истории России. – Вып. 3. – Воронеж : Истоки, 2019. – С. 7–16.
14. Чернавский, М. М. Ипполит Никитич Мышкин (По воспоминаниям каторжанина 70–80 гг.). Мценская пересыльная политическая тюрьма / М. М. Чернавский // Каторга и ссылка. – 1924. – № 5 (12). – С. 30–44.

Михайлова Е. А.

**«МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ» И. Ф. ТЮМЕНЕВА:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА**

Илья Федорович Тюменев (1855–1927) – человек крайне неординарный. Его можно отнести к ярким представителям интеллектуальной и художественной элиты второй половины XIX – начала XX в. Рожденный в семье купца и получивший базовое образование в гимназии Видемана и за границей, Тюменев с детства проявлял немалые художественные способности: страсть к рисованию, увлечение музыкой и театром, литературный талант. Кроме того, он был путешественником, переводчиком, публицистом. Но не менее важен еще один талант, которым обладал Тюменев: он был настоящим «архивистом». Причем хранил документы и творческие работы не только свои и своей семьи, но и друзей – в основном, художников. На основании своих дневников, писем и других материалов, отложившихся за долгие годы в семейном архиве, Тюменев создал огромный труд, над которым он работал в конце XIX – начале XX века, и назвал его «Моя автобиография».